

УДК 821.161.1

Парадоксы женского характера
в прозе Н. А. Некрасова и
Я. П. Полонского 1840–50-х
годов

Е. А. Федорова*Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова**E-mail: sole11@yandex.ru**Научная статья*

Статья посвящена проблеме парадоксальности женского характера, которая раскрывается на материале повести Н. А. Некрасова «Жизнь Александры Ивановны» (1841) и рассказа Я. П. Полонского «Тифлиссские сакли» (1853). Целью исследования является раскрытие сюжетного и характерологического парадокса как средства характеристики жительницы столичного города. В обоих произведениях соединяются элементы романтической поэтики и аналитические приемы «натуральной школы». С помощью структурного и сравнительно-типологического метода раскрываются как внешние, так и внутренние причины «падений» героинь Некрасова и Полонского. Парадоксальность сюжетной ситуации заключается в том, что у Александры Ивановны и Магданы есть возможность избежать обмана и найти выход из жизненного тупика, однако гордость и внимание к внешней форме препятствуют этому. Различие между произведениями заключается в том, что Некрасов в большей степени обращается к социальным обстоятельствам жизни героини, а Полонского интересует духовно-нравственная проблематика, парадокс является для него способом показать сложность, «тайну» внутреннего мира женщины.

Ключевые слова: Н. А. Некрасов; Я. П. Полонский; проза; романтическая поэтика; «натуральная школа»; сюжетный и характерологический парадокс

The paradoxes of the female
character in the prose
of N. A. Nekrasov and
Ya. P. Polonsky of the 1840s–50s

E. A. Fedorova*P.G. Demidov Yaroslavl State University**Scientific article*

The article is devoted to the problem of women's paradoxicality, which is revealed on the material of the story of N. A. Nekrasov "The Life of Alexandra Ivanovna" (1841) and the story of Ya. P. Polonsky "The Tiflis Sakli" (1853). The aim of the study is to reveal the plot and characterological paradox as a means of characterizing the inhabitant of the capital city. In both works elements of romantic poetics and analytical techniques of the "natural school" are combined. With the help of a structural and comparative-typological method, both external and internal causes of the "fall" of the heroines of Nekrasov and Polonsky are revealed. The paradoxicality of the plot situation lies in the fact that Alexandra Ivanovna and Magdany have the opportunity to avoid deception and find a way out of the life impasse, but pride and attention to the external form prevent it. The difference between the works is that Nekrasov mostly refers to the social circumstances of the heroine's life, and Polonsky is interested in the spiritual and moral issues, the paradox is for him a way to show the complexity, the "secret" of the inner world of a woman.

Keywords: N. A. Nekrasov; Ya. P. Polonsky; prose; romantic poetics; "natural school"; the plot and characterological paradox

Благодарности: Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ: проект 17-04-00501а "Литературное наследие Я.П. Полонского: исследование и комментарий".

Для цитирования: Федорова Е. А. Парадоксы женского характера в прозе Н. А. Некрасова и Я. П. Полонского 1840–50-х годов // Социальные и гуманитарные знания. 2017. Том 3, № 3. С. 301–305.

For citation: Fedorova E. A. The paradoxes of the female character in the prose of N. A. Nekrasov and Ya. P. Polonsky of the 1840s–50s. *Social'nye i humanitarnye znaniya*. 2017; 3 (3): 301–305. (in Russ.)

В начале своего творчества Н. А. Некрасов и Я. П. Полонский испытали сильное воздействие романтической поэзии. Это влияние обнаруживается в их первых поэтических

сборниках: «Мечты и звуки» (1840) Некрасова, «Гаммы» (1844) Полонского. В последующем творчестве оба поэта стремились преодолеть это влияние, особенно это ощущается в их прозе, которая создавалась под воздействием также «натуральной школы».

Некрасов в это время исследовал особенности жизни северной столицы и сформированные ими петербургские типы, а Полонский, оказавшись в 1846 г. на Кавказе, в течение пяти лет работал в канцелярии Наместника Главноуправляющего Кавказом графа М. С. Воронцова и изучал столицу Грузии, а также жителей Тифлиса [1, с. 101].

Однако дань романтизму поэты отдавали и в своем творчестве 1840-50-х годов. Элементы романтической поэтики присутствуют в ранней прозе поэтов, особенно при создании женских образов. В то же время аналитическое начало, присущее «натуральной школе», вынуждает авторов исследовать созданные ими характеры, выявлять их противоречия и парадоксы.

В Литературном энциклопедическом словаре «парадокс» – это «изречение или суждение, резко расходящееся с общепринятым, традиционным мнением» [2, с. 267]. В литературном произведении могут присутствовать разные виды парадокса. Е. А. Яшина отмечает, что «проблему воспроизведения многогранности и противоречивости человеческого характера, запечатленного в художественном образе, помогает раскрыть <...> характерологический парадокс» [3, с. 182]. Исследователь также выделяет и сюжетный парадокс, который выражается в «неожиданном повороте сюжета» [3, с. 182]. «Сюжетный и характерологический виды парадокса нередко объединяет общая функция характеристики того или иного образа художественного текста» [3, с. 182]. Именно такие виды парадокса мы можем наблюдать в характерах героинь Некрасова и Полонского.

Повесть «Жизнь Александры Ивановны» (1841) Некрасова соединяет в себе элементы романтического произведения (образ гордой девушки и раскаявшегося соблазнителя в финале) и черты «натурального очерка». По мнению В. Е. Евгеньева-Максимова, в этом произведении автор впервые затрагивает проблему положения опозоренной женщины в обществе, доказывая ее нравственную высоту по сравнению с ее соблазнителем, мачехой и благодетельницей [4, с. 170]. Исследователь проводит параллель между этой повестью и стихотворением Н. А. Некрасова «В дороге»: крепостную девушку воспитывают в барском доме, после смерти барина, после отъезда барыни ее возвращают в прежнее состояние. В конечном результате и в том и в другом случае героини гибнут, хотя причины их гибели и неодинаковы [4, с. 170].

В начале повести образ Александры Ивановны создается Некрасовым с помощью романтических штампов: «легкая как серна, прекрасная как майское небо»; «Лицо ее было в полном смысле прекрасно; легкая бледность, как бы следствие недавней болезни, покрывала ее щеки и придавала ей еще более привлекательности; томная нега была разлита в ее голубых выразительных глазах и заставляла предполагать в ней много огня и жизни. Стан ее был гибок и строен; походка легка и правильна; ножка мала и привлекательна» [5, с. 171].

Автор дважды создает сюжетный парадокс, который выявляет противоречивый характер героини. Во-первых, обманутая однажды своим соблазнителем Сабельским, Александра Ивановна и второй раз оказывается обманутой этим же человеком. Причина скрывается в романтическом сознании героини, для которого возвышенные слова о любви, «напыщенная» риторика обладают особой ценностью. Речь самой героини также патетична. Вот как она обращается к своей мачехе: «Я сносила всё, потому что была действительно виновата, хотя не столько, сколько вы меня обвиняли, но все-таки много, очень много. Я даже радовалась, когда вы терзали мое сердце; для меня тут была сладкая, невыразимая отрада: я чувствовала, что еще в земной жизни начинаю искупать заблуждения неопытной молодости... Но всему есть конец; в сердце человека есть такие струны, которые, когда их неосторожно затронут, нелегко смиряются при всех усилиях воли и разума» [5, с. 189].

Во-вторых, оказавшись в положении опозоренной женщины, героиня может обратиться за помощью к своей благодетельнице, о которой осторожно сообщается, что Александра, возможно, ее незаконнорожденная дочь. Однако героиня Некрасова отказывается от этого, выбирая путь искупления, тяжелого физического труда, что подрывает ее силы

и приводит к смерти. Мачехе Александра объясняет свое решение, используя все ту же риторику: «Графиня – женщина, которой я всем обязана, которая заботилась обо мне, как мать, которую я любила всем сердцем, которая так меня любила... О, посмею ли явиться к ней, посмею ли я, создание ее благотворительности, предстать пред нее убитая, униженная, покрытая стыдом... Как мне будет поднять на нее глаза, как принимать ее ласки, когда я знаю, что недостойна их... Нет, пусть она никогда не знает ужасной судьбы моей, пусть она думает, что я счастлива...» [5, с. 191]. В речи Александры Ивановны раскрывается ее гордость, которую сама героиня называет «благородной».

Сочувствие к героине автор вкладывает в уста дворника: «Да молодая-то стоит на коленях перед образом и молится и горько плачет; так, сердечная, и заливаешься, больно глазам смотреть; а старая так сердито смотрит, словно помешанная... страшно, хозяин... да и как-то сердцу-то тошнехонько, глядя на них...» [5, с. 198]. Сочувствие звучит и в словах мачехи на похоронах Александры: «А всё сама покойница. Такая была деликатная... Ведь после-то, Карл Федорович, приехала к нам старая графиня, такая добрая... вот она и теперь здесь... хотела взять ее к себе в дом, да то ли еще, хотела сделать своей наследницей... так нет, ничего не взяла... Я-де недостойна вас... буду жить своими трудами, буду грехи отмаливать...» [5, с. 203]. В финале в церкви на отпевании Александры Ивановны встречаются люди, которые могли ей помочь в разное время: ее благодетельница, бывший жених и соблазнитель. Все они скорбят по погибшей. Таким образом, с помощью сюжетного парадокса Некрасов показывает, как в душе героини сталкиваются противоположные качества: гордость и смирение, даже готовность идти на унижения, а также внимание к красивой форме, риторике и желание преодолеть разрыв между словами и делами.

Характерологический парадокс, который показывает Некрасов, объясняется им также противоречиями и контрастами петербургской жизни. Неслучайно заканчивается произведение, как в «натуральном очерке», описанием жизни северной столицы: «Когда в центре Петербурга нет уже и признаков снега, когда по Невскому беспрестанно носятся летние экипажи, а по тротуарам его, сухим и гладким, толпами прогуливаются обрадованные жители и жительницы столицы в легких изящных нарядах, – тогда в другом конце Петербурга, на Выборгской стороне, царствует совершенная зима. Снег довольно толстым слоем лежит еще на мостовых; природа смотрит пасмурно и подозрительно; жители выходят на улицу не иначе как закутавшись в меховую одежду. Здания пасмурны и туманны; на заборах, из-за которых выглядывают угрюмые деревья, до половины покрытые снегом, стелется иней; из десяти извозчиков только один и то с отчаянием в сердце осмелился выехать на дрожках. О, как далеко Выборгской стороне до Невского проспекта!» [5, с. 199]. В дальнейшем в своем поэтическом и прозаическом творчестве Некрасов будет развивать тему парадоксальности петербургских типов («Еду ли ночью по улице темной...», «Когда во мраке заблужденье...»). Соединение снега и дождя одновременно станет отличительным признаком петербургской погоды и «петербургского кода» («О погоде», «Каменное сердце» и др.), что будет воспринято также и Ф. М. Достоевским, который доведет до завершения характер петербургского Парадоксалиста в повести «Записки из подполья» (1864).

В своем исследовании Уршула Кохановска утверждает, что в кавказской прозе Я. П. Полонского 40-50-х годов проявляется нравоописательность как черта «натуральной школы», и в то же время из романтической литературы в его произведениях приходит внимание к внутреннему миру человека [6, с. 11]. В отношении рассказа «Тифлиские сакли» исследователь придерживается мнения, что Полонский в нем стремится к «воссозданию социальных обстоятельств, мотивирующих характер и поведение людей», и поднимает прежде всего социальные проблемы: «Трагедия героини ставила вопрос, где вина и где беда простого, бедного человека» [6, с. 10].

По мнению И. Л. Багратион-Мухранели, с создания образа Магданы, героини рассказа «Тифлиские сакли», начинается психологическая проза Полонского [1, с. 107]. С. М. Романенко, обращаясь к женским образам в кавказских повестях Полонского, замечает, что писатель «одновременно детерминирует человека и не может его объяснить, оставляя некоторые вопросы о его сущности открытыми» [7, с. 23]. Речь идет прежде всего о Магдане, чья «психологическая реакция на мир может быть парадоксальна» [7, с. 23].

В повести Я. П. Полонского «Тифлиссские сакли» (1853) романтические детали в портрете героини чередуются с прозаизмами и бытовизмами: «глаза Магданы темнее самой черной ночи», «зубы ее, ровные как подобранный жемчуг» [8, с. 66]; «коса у Магданы не так длинна, как, например, у одной моей знакомой в Гори, то есть далеко не доходит до полу, но густа, черна и на свет отливает пурпуром, что, конечно, происходит у нее от обыкновения в бане хиной мыть голову, обыкновения почти общего в Тифлисе между женщинами простого класса» [8, с. 66].

В рассказе «Тифлиссские сакли» Полонский следует принципам «тайного психологизма». Противоречивость натуры молодой красавицы раскрывается в ее мимике, а также в ее голосе: «Немного резкое очертание правильных, почти античных губ придает лицу ее выражение чего-то смелого, даже дерзкого; но это выражение совершенно исчезает, когда она весела или просто улыбается» [8, с. 66]; «Голос Магданы иногда тих, даже вкрадчиво нежен, иногда, напротив, так же груб, как у разгневанного мальчика» [8, с. 66]. В Магдане соединяются детскость, чистота и гордость, дерзость. Ее своеволие отталкивает ее родных, которые, впрочем, мало ею интересуются. Ее детскость и природная грация вызывают восхищение у молодого грузина Давида Егорыча, который помогает Магдане в трудной ситуации.

В рассказе Полонского показано «падение» героини, одной из причин которого оказываются объективные обстоятельства (ее муж исчез, не оставив ей достаточных средств для жизни), другая причина кроется в характере Магданы, в незрелости ее личности, для которой слишком большим испытанием оказываются деньги и жизненный комфорт.

Испытание героини начинается с того, что в ее руки попадает крупная для нее сумма денег – десять рублей. Полонский вводит нас во внутренний мир героини, когда она молится в церкви: «Уста Магданы шептали молитву, а слабая голова была занята полученными деньгами» [8, с. 75]. Сначала в душе героини пробуждается сребролюбие, а затем – тщеславие. После того, как героиня наряжается на деньги, оставленные мужем, автор замечает: «В первый раз Магдана поняла, что она красавица, и сама не знала, отчего у нее на душе стало так безгранично весело» [8, с. 79]. Кроме того, Магдана, сравнивая жизнь в бедном квартале Тифлиса Авлабаре, где находится ее сакля, и в более обеспеченном районе Сололаки, где живут ее родные, отдает предпочтение последнему.

Помощь Давида Егорыча, молодого соседа, влюбленного в нее, который взял на себя заботу о ней, льстит ей и вызывает у нее чувство благодарности. Но временный перерыв в их общении сразу же пробуждает в ее душе неверие в него: «Мысль, что Давид Егорыч позабыл о ней, была невыносима» [8, с. 101]. В этот момент в ее доме появляется старуха Сусанна, которая искушает ее красивыми вещами и возможностью заработать деньги, став содержанкой богатого человека. Еще один шанс дается Магдане, когда она после первого своего заработка возвращается домой и встречается с Давидом Егорычем. Его чувства к Магдане легко угадываются, он готов сделать ей признание в любви, но молодая женщина, узнав о том, что двоюродный брат ее обманул, испытывает гнев, что делает ее закрытой для понимания собеседника: «Тень гнева уже носилась над лицом ее. По глазам ясно можно было видеть, что в эту минуту не о любви помышляет голова ее» [8, с. 114]. Парадоксальность сюжетной ситуации, которую создает Полонский, заключается в том, что Магдане нет необходимости продавать себя за деньги, поскольку она может выйти замуж за любящего ее соседа, однако Магдана, возмущенная ложью родных, принимает решение покинуть Авлабар и поселиться в качестве содержанки в богатом квартале Тифлиса. Полонский показывает и социальные, и психологические, и духовно-нравственные причины «падения» героини, но окончательного ответа на вопрос, чем объясняется выбор героини, он не дает. Неслучайно в финале рассказа Давид Егорыч становится свидетелем того, как Магдана дает милостыню девочке-нищенке, которая поет под шарманку.

Рассказ «Тифлиссские сакли» был впервые опубликован в журнале «Современник», 1853, № 7. Журнальный вариант отличается от окончательного текста рассказа. Цензура не позволила закончить это произведение описанием «падения» Магданы. Эпилог журнального варианта устраняет социальный и духовно-нравственный конфликт произведения: «Прошло два года. Муж Магданы так и не воротился из Кахетии: он умер. Носились

слухи, будто Арютюн, подкутив на чьей-то свадьбе, возвращался в тот аул, куда подрядился он доставлять бурдюки приезжающим за вином армянам, - заснул где-то посреди садов на дороге, и ему, сонному, мужчины отрубили руку – не знаю, верить ли этому: но, как бы то ни было, Магдана овдовела и поселилась в Сололаках; там теперь у ней своя сакля и все хозяйство. Повторю то, что сказал я про нее в начале моего рассказа: Магдана говорит по-русски, умеет вязать чулки и пьет чай; все соседки питают к ней какое-то безотчетное уважение... Давид Егорыч, не боясь никаких сплетен, засиживается у ней в палисаднике. Его любовь нашла случай вовремя спасти ее... Сусанна боится его как огня. Давид – жених Магданы, – Магдана выходит замуж по любви! – Вот до чего изменились нравы сололакских жителей» [9, с. 52]. В 1859 году, работая редактором журнала «Русское слово», Полонский получает возможность опубликовать рассказ в своем первоначальном варианте, без цензурных искажений.

Таким образом, Полонский и Некрасов, продолжая традиции романтической литературы, обращаются к образу героини, несущей в своей душе противоречия: детскую чистоту и гордость – и показывают, что причиной ее гибели являются как внешние факторы, так и внутренние. Для Александры Ивановны, как и для Магданы, большую роль играет красота внешней формы. Если в описании портрета своих красавиц писатели пользуются романтическими штампами, то в речи героинь они стараются показать их индивидуальность. У Полонского большое значение имеет раскрытие героини через мишуру и голос.

Объединяет обоих писателей то, что они в 40-50-е годы стремятся к анализу социальных и нравственных обстоятельств жизни своих героинь, в частности, парадоксальность как черта внутреннего мира жительницы столичного города отмечается обоими писателями. Однако у Полонского на первый план выступает духовно-нравственная проблематика, его героиня несет в себе некую «тайну», которая до конца не раскрывается, а Некрасов в большей степени следует традиции «натуральной школы», показывая свою героиню как жертву прежде всего социальной среды.

Ссылки / Reference

- [1] Багратион-Мухранели И. Л. Трансформация женских образов в кавказской лирике Я. Полонского // Вестник славянских культур. 2015. № 1 (35). С. 101-107.
- [2] Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. Ред. кол.: Л. Г. Андреев, Н. И. Балашов, А. Г. Бочаров и др. М.: Сов. энциклопедия, 1987. 752 с.
- [3] Яшина Е. А. Типология парадоксов в художественном тексте // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 4. С. 181-186.
- [4] Евгеньев-Максимов В. Е. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова. М.; Л.: ГИХЛ, 1947. 416 с.
- [5] Некрасов Н. А. Собр. соч.: в 15 т. Т. 5. / Под общей ред. К. И. Чуковского. М.: Худ. лит., 1966. 590 с.
- [6] Кохановска У. Проза Полонского 1840-1860-х гг.: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1981. 18 с.
- [7] Романенко С. М. Кавказский миф в русском романтизме и его эволюция в творчестве Я. П. Полонского: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 26 с.
- [8] Полонский Я. П. Проза. / Сост., вст. ст., примеч. Э. А. Полоцкой. М.: Советская Россия, 1988. 496 с.
- [9] Полонский Я. П. Тифлисская сакля // Современник. 1853. № 7. С. 5-52.